

7. Мухинова, Н. А. Великая Отечественная война глазами детей (По материалам поискового проекта «Факел») / Н. А. Мухинова // Советское общество и советский человек: мифы и реальность : сборник докладов Междунар. научно-практ. конф. – Казань : КГАСУ, 2012. – С. 143–148.

8. Никонова, С. И. Историческая память о Великой Отечественной войне как моральный ресурс воспитания студенческой молодежи (На примере поискового проекта «Факел») / С. И. Никонова // Великая Победа: история и современность : мат-лы Междунар. научно-практ. конф., посвященной 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, Минск, 14–15 мая 2015 г. / ред. кол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : А. Н. Вараксин, 2015. – С. 416–420.

9. Письмо Валентины Егоровны Цыгановой (Токаревой), воспитанницы Долгополянского и Кураловского детских домов, 1934 года рождения (г. Новосибирск, 8 января 2008 г.) // Архив М. Н. Ивановой.

10. Потемкина, М. Н. Отражение войны в памяти эвакуированных детей / М. Н. Потемкина // Вторая мировая война в детских «рамках памяти» : сборник научных статей / под ред. А. Ю. Рожкова. – Краснодар : Экоинвест, 2010. – С. 229–248.

11. Потемкина, М. Н. Эвакуация на Урал в детских воспоминаниях / М. Н. Потемкина // Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : мат-лы междунар. научно-практ. конф., посвященной 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне / под общей ред. В. А. Лабузова. – Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 2015. – С. 583–586.

12. Хадиуллина, М. А. Невыдуманные истории детей блокады и тихоновцев : сборник воспоминаний / М. А. Хадиуллина. – Менделеевск : [Б.и.], 2009. – 168 с.

Ермацане И.С.
АРХИВНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА НКВД
КАК ИСТОЧНИК О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 201-й (43-й ГВАРДЕЙСКОЙ)
ЛАТЫШСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ КРАСНОЙ АРМИИ

Исследование истории латышей, которые во время Второй мировой войны (1939–1945) служили в рядах Красной армии, в наши дни является актуальным. Особую важность представляет деятельность жителей Латвии и латышей в 201-й (43-й гвардейской) Латышской стрелковой дивизии (далее – Латышской дивизии), созданной в 1941 г. Её история вызывает споры среди многих жителей Латвии, поскольку солдаты дивизии воевали на стороне страны победительницы, но при этом в СССР был тоталитарный политический режим, и эта страна в июне 1940 г. оккупировала Латвию.

Это достаточно трагическая сторона истории латышского народа. Она побуждает думать, как оценивать участие латышей в составе Красной армии – как подвиг или предательство. Надо отметить, что в последние двадцать лет в обществе создавалось представление, что участие жителей Латвии в войне на стороне Красной армии было предательством, что они воевали против Латвии, помогли установить советскую власть в Латвии и во всей Восточной Европе. Ранее из-за ограниченного доступа к архивному материалу и длительного влияния советской идеологии архивные документы, содержащие сведения о деятельности латышей в Красной армии, использовались односторонне. Вопрос о тех, кто служил в Красной армии, трактовался в русле государственной идеологии, преднамеренно не использовались те документы, которые могли в негативном свете показать и Красную армию, и советскую власть. Например, один из вопросов, который исследовался неохотно, это вопрос о дезертирах из рядов Красной армии, во время войны осужденных военными трибуналами. Информацию о фактах дезертирства или о попытках дезертировать можно найти в Латвийской прессе немецкого времени (1941–1944), в воспоминаниях участников.

Значительной информативностью обладают архивно-следственные дела НКВД, в которых можно найти сведения не только о дезертирах, но и исследовать судьбу всех тех солдат Красной армии – жителей Латвии, которые были осуждены как «предатели родины» за «антисоветскую деятельность». Для исследователей доступны архивно-следственные дела, в основном хранящиеся в Латвийском государственном архиве.

Архивно-следственные дела НКВД, являясь комплексом документов, собранных ходе уголовного процесса против военнослужащих, отражают процесс расследования и суда во время войны в Красной армии: решения об аресте, протоколы допросов обвиняемого и свидетелей, предъявления обвинений, протоколы заседания суда, приговоры и т.д. Также присоединены справки об исполнении приговоров, характеристики, анкеты арестованных, вещественные доказательства разного рода. В архивно-следственных делах речь идет о документах, «в которых жертвы рассматриваются преимущественно глазами карателей» [9, с. 14]. Самого осуждённого там будет мало – только его вещи личного происхождения (например, дневники) или заявления государственным органам власти с просьбой о пересмотре дела.

В каждой военной части работали представители НКВД, которые выявляли «предателей родины». Виновных обыкновенно судил военный трибунал НКВД 201-й (43-й гвардейской) Ла-

тышской стрелковой дивизии. Судебные разбирательства начались уже после начала формирования Латышской дивизии. Это значит, что некоторые антисоветские настроения имели место изначально. Надо отметить, что причины, по которым люди попали в дивизию, были различны. На начальном этапе большая часть являлись добровольцами, но не все. Дезертирство, попытка дезертировать или ведение антисоветской агитации распространились, когда дивизия находилась в полуокружении в районе Старой Руссы весной 1942 г.

Вопрос о числе обвинённых и осуждённых солдат в данной ситуации невозможно уточнить, поскольку в Латвийском государственном архиве главным образом хранятся только дела осужденных рядовых. Место нахождения других архивно-следственных дел неизвестно. Приговоры осужденных солдат встречаются и в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (в основном они были присоединены как приложения к приказам командира дивизии по личному составу) [2]. В историографии упомянуто, что в 1941 г. НКВД арестовало 5576 жителей Латвии, в 1942 – 244, а в 1943 – 88. Из этих цифр совершенно неясно, сколько из них было солдат Латышской дивизии [7, с. 971]. В отдельных сообщениях командир Латышской дивизии Янис Вейкинс упоминает приблизительные цифры тех, кого надо «присматривать». Например, 5 октября 1941 г. он сообщает первому секретарю ЦК Компартии Латвии Янису Калнберзиню: «Мы имеем около 100 человек, которых необходимо отчислить из рядов армии по политическим причинам» [5, л. 40–41]. Приблизительные даты имеются только за отдельные периоды и по отдельным военным подразделениям. Например, в 122-м стрелковом полку до 20 октября 1942 г. наказаны 10 человек, с 1 апреля по 12 октября наказание снято с семи персон, шесть этого ждали [1, л. 177]. Не возможно сказать, сколько следственных дел было возбуждено к этому времени против солдат Латышской дивизии.

Архивно-следственные дела НКВД содержат сведения о тех солдатах Латышской дивизии, которые были осуждены за разные преступления, совершенные против Советского государства согласно Уголовному кодексу РСФСР (далее – УК РСФСР). Нами выявлено, что обвинения за «антисоветскую деятельность» против солдат Латышской дивизии были выдвинуты главным образом по следующим частям 58 статьи УК РСФСР: 16 («Измена родине со стороны военного персонала: расстрел с конфискацией имущества»), 10 («Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений») и 11 («Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, приравнивается к совершению таковых и преследуется уголовным кодексом по соответствующим статьям») [6].

Архивно-следственные дела достаточно ясно показывают ход уголовного процесса. После решения об аресте следовал арест, обыск арестованного, в результате чего составлялся протокол обыска, где фиксировали изъятые предметы. Иногда во время обыска у солдат находили важные для следствия вещи, например, одним из ценнейших предметов являлись дневники. Нами пока констатированы два случая, когда при обыске найдены у обвиняемого солдата дневники, которые позднее были использованы как отягчающие вину обстоятельства [4, д. Р-5177]. Традиционно находили деньги (и советские, и немецкие), фотографии [3, л. 105]. Далее следовал допрос подозреваемого и свидетелей (часто допрос свидетелей проводился уже до ареста обвиняемого). Потом шло предъявление обвинительного заключения, следовал повторный допрос обвиняемого, и дело передавалось в суд. В деле находится также протокол судебного заседания и приговоры.

Нередко объединяли в одно уголовное дело материалы не только на двух, но и нередко на десять, двенадцать солдат. Это давало возможность усилить обвинения против конкретных солдат, обвиняя их, например, не только в попытке к дезертирству, но и в антисоветской агитации и в создании контрреволюционной группы или в участии в такой. Обычно в групповых делах обвиненные были из одного подразделения [3, д. 28428, 42971, 44115, 44116; 4, д. Р-5487]. Например, Особый отдел рассмотрел дело девяти солдат 201-й Латышской стрелковой дивизии, которые были арестованы в один день – 14 мая 1942 г., и уже 22 мая они были осуждены. Восемь из них судили по 58 статье УК РСФСР, часть 16, одного по 1г. Двух из них осудили на смертную казнь. Приговор был исполнен через два дня после вынесения – 24 мая [3].

Приходится признать, что следственные дела – это источник очень неоднозначный. Трудно констатировать сфальсифицированные дела. Субъективизм видим в причине возбуждения дела (например, в делах о так называемых антисоветских агитаторах). Так, одним из критериев были

разговоры между солдатами, нередко высказанные после тяжелой работы фразы недовольства, часто вообще неясно говорил ли то, на что указывали свидетели, обвиняемый. Например, критиковал советскую власть или Красную армию, или прославлял к тому времени уже не существующую армию Латвийской Республики. Предвзятость очевидна также при проведении допросов. Допросы нередко проходили при помощи физического и психологического воздействия на подозреваемого. Об этом свидетельствуют многочисленные апелляции, появившиеся после XX съезда КПСС, в которых осуждённые рассказывали о методах выбивания показаний в ходе следствия во время войны [4, д. Р-5177, л. 117; 4, л. 114].

Как правило, допросы велись на русском языке. Согласно нормативным актам в допросах должны были участвовать переводчики, но свидетельства в архивно-следственных делах указывают, что не всегда так было. Об этом свидетельствуют написанные осужденными заявления с просьбой о реабилитации, в которых они описывали ход допросов, и иногда писали: «Допрос проходил на русском языке».

Для следователя важно было, чтобы подозреваемый признал свою вину «не так как было, а так как необходимо» [3, д. 41398, л. 77 об.]. Нередко за признание «так, как надо» обещалось условное наказание или помилование [4, д. Р-5487, л. 77]. В реальности система не допускала помилования, и обычно дело заканчивалось обвинительным заключением. Например, рядовой 6 роты 2 батальона 122-го стрелкового полка Карлис Вагнерс дезертировал из дивизии весной 1942 г., попал в Латвию и осенью 1944 г. после повторной мобилизации в Красную армию был арестован. На допросе в ноябре 1944 г. признал, что дезертировать из дивизии его принудило тяжелое положение с продовольствием, солдатам выдавали очень маленькие порции, в сутки 150 граммов сухарей, а в другой день даже этого не было. И «кроме того, когда я отстал от подразделения, тогда три дня ничего не кушал и испытывал большой голод. Тогда я решил делать всё, чтобы покушать. Это одно. Второе, был огорчен за то, что я был рядовым в подразделении и не мог исполнять все те обязанности, которые выполняли рядовые. Чувствуя голод и в сердце это оскорбление, я решил предать родину и перейти к немцам» [4, д. Р-2961, л. 13]. Но при повторном рассмотрении дела было констатировано, что следователь на него подействовал психологически, угрожая, что в случае непризнания вины, его семья будет выслана из Риги на пять лет. Сам Вагнерс утверждает, что «велели подписаться, что в плен сдался добровольно. Опасаясь за семью, которая состояла из жены и четверых-летнего сына, я подписал признание» [4, д. Р-2961, л. 50]. Его судили, и в заключении он находился до 1952 г. При повторном рассмотрении дела на вопрос следователя, почему на суде не сказал, что на его показания оказывали давление, ответил, что хотел, чтобы дело скорее закончили и не трогали семью [4, д. Р-2961, л. 53 об.].

Отдельные следственные дела свидетельствуют о разнообразных жизненных путях людей во время войны. Так, солдат мог дезертировать из 201-й латышской стрелковой дивизии весной 1942 г., потом попасть в немецкую армию, в 19-ю Латвийскую гренадерскую дивизию войск СС, потом по стечению разных обстоятельств попадал в Красную армию, где его арестовали и судили как изменника родины за дезертирство. Например, такая судьба сложилась у Станислава Урбана, который успел не только повоевать в двух армиях, но в Красной армии побывал даже два раза. Он в феврале 1942 г. перешел линию фронта на сторону противника, т.е. немецкой армии. Его судили только 3 января 1945 г. в Таллинне. Его дело свидетельствует, что он дезертировал неосознанно. Он во время обстрела спрятался и потерял свою военную часть. Попал в лагерь военнопленных, был освобожден и отправлен в Латвию с условием – должен доложить немцам о деятельности советских партизан. 13 февраля 1944 г. его мобилизовали в немецкую армию, в мае месяце того же года попал в латышский легион. В конце сентября 1944 г. его ранили, и он попал в плен Красной армии [3, д. 44580, л. 38–40]. Во время допроса он объявил, что никогда не давал клятву Гитлеру, а дал клятву Красной армии, которую нарушил. Далее он рассказал: «Я не хотел перейти на сторону врага, но так случилось, что я отставал от своей военной части и неожиданно подошел к немцам, и когда они меня заметили, тогда боялся оказать им сопротивление, так как их было много и я боялся, что они меня убьют, поэтому и сдался в плен без сопротивления» [3, д. 45780, л. 40]. Подобная судьба сложилась и у Яниса Яунземса, который в Красной армии служил от 1941 по мая 1942 г., когда дезертировал. Второй раз в ряды РККА был призван осенью 1944 г. [3, д. 39634, л. 62]. Эти дела показывают, или скорее подтверждают, что во время войны огромное значение имели случайности. Эти два архивно-следственных дела – пример того, что между совершением преступления и арестом могло

пройти несколько лет, как это было с делами тех дезертиров, которые дезертировали из рядов Красной армии, неким путём попали в Латвию, в Латвии были мобилизованы в немецкий легион, оттуда дезертировали и осенью 1944 г. вновь были мобилизованы в Красную армию, а там их арестовали органы СМЕРШа и было возбуждено уголовное дело.

Таким образом, архивно-следственные дела НКВД свидетельствуют о массовых случаях дезертирства из 201-й (43-й гвардейской) Латышской стрелковой дивизии и наличии антисоветских настроений среди части её солдат. Дела также характеризуют стиль работы следователей, методы работы НКВД в Красной армии. Очевидна сложность человеческих судеб в экстремальных условиях войны. Многие латыши, став заложниками политики, воли случая или личных характеристик следователей, которые вели их дела, стремились выжить сами и защитить свои семьи.

1. Центральный архив Министерство обороны Российской Федерации (ЦАМО). – Ф. 43 гв сд. Оп. 1. Д. 165.
2. ЦАМО. – Ф. 43 гв сд. Оп. 2. Д. 2.
3. Национальный архив Латвии – Государственный архив Латвии (ГАЛ). – Ф. 1986. Оп. 1. Д. 28428.
4. ГАЛ. – Ф. 1986. Оп. 2. Д. 2371-а.
5. ГАЛ. – Ф. ПА-101. Оп. 1. Д. 54.
6. Уголовный кодекс РСФСР, редакция 1926 года. – Москва : Жур. Издат. НКЮ РСФСР, 1927. – 157 с.
7. Vīksne, R., Kangeris, K. (red.). No NKVD līdz KGB. Politiskās prāvas Latvijā: 1940 – 1986. Noziegumos pret Latvijas valsti apsūdzēto Latvijas iedzīvotāju rādītājs. – Rīga: Latvijas Universitātes Latvijas vēstures institūts, 1999. – 975 с.
8. Петухов, Н. История военных судов России / Н. Петухов. – Москва : Норма, 2003. – 345 с.
9. Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / [сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер]. — М. : РОССПЭН; Германский исторический институт в Москве, 2009. – 927 с.

Николаева И.В.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ВИТЕБЩИНЫ В ПОСЛЕОККУПАЦИОННЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ОСЕНЬ 1943 – ВЕСНА 1945 г.)

Одной из тенденций современной историографии является смещение акцентов с освещения событий военной истории к рассмотрению повседневных жизненных практик простых людей, общественных групп, изучению локальной истории различных слоев общества в условиях военной действительности. Тем не менее, необходимо отметить, что количество отечественных исторических исследований, посвященных послеоккупационному периоду Великой Отечественной войны, существенно уступает числу работ, рассматривающих период нацистской оккупации.

В свою очередь введение в научный оборот и анализ источников по истории повседневности Витебщины после освобождения ее территории от оккупации и до окончания войны представляют значительные возможности для всестороннего рассмотрения истории повседневности на региональном уровне и позволяют представить особенности развития послеоккупационных военных процессов в белорусском обществе в целом, проследить влияние военного фактора на его повседневность.

Весь комплекс источников, так или иначе относящихся к интересующей нас теме, для удобства анализа целесообразно разделить по своему характеру и содержанию на два типа: письменные и устные.

Письменные источники включают, прежде всего, архивные материалы, которые находятся в доступных для исследователей фондах Государственного архива Витебской области (ГАВО), Зонального Государственного архива в г. Полоцке (ЗГА в г. Полоцке), Национального архива Республики Беларусь (НАРБ). По своему содержанию и характеру архивные источники можно систематизировать в несколько групп.

Первую группу источников составляют документы высших органов государства и КПБ (НАРБ ф. 4-п), которые содержат информацию по истории Великой Отечественной войны заявленного региона после освобождения его территории от оккупации. Анализ этих документов позволяет проследить эволюцию государственной политики в области отдельных сфер социально-бытовой инфраструктуры, жилищного строительства в изучаемый период. Использование источников, объединённых в эту группу, обусловлено необходимостью соотнесения реалий повседневности Витебщины с широким контекстом жизни белорусского государства.

Вторая группа источников включает документы региональных органов государственной власти и правящей партии. В первую очередь это материалы фондов Витебского и Полоцкого